Эльвира Ибрагимова

Воплощенная власть: здание Народной скупщины в Белграде и политические тренды в Королевстве Сербия — Королевстве Югославия

Статья рассматривает вопрос, каким образом политические идеи и ценности могут воплощаться в архитектуре правительственных зданий. Средствами искусствоведческого анализа, а также через анализ функций архитектуры в политической культуре рассматривается история заказа, проектирования и строительства здания Народной скупщины в Белграде. Автор демонстрирует, каким образом в парламентском здании отражаются государственные трансформации периода 1890–1930-х, и какими архитектурными средствами манифестируются политические ценности. С одной стороны, в качестве политической значимой выявляется венская ориентация проекта. С другой — автор демонстрирует, как смена идеологической парадигмы обусловила выход неоклассических элементов на первый план в стилевой рецепции. Особое внимание в статье уделяется вопросу о роли парламентского здания в формировании стилистического эталона для правительственных построек.

Ключевые слова: архитектура парламентских зданий, парламентаризм, Королевство Сербия, Королевство Югославия, академизм.

Введение

История здания на площади Николы Пашича в Белграде (рис. 1) неотделима от противоречивой политической жизни государств, парламенты которых в нем размещались[1]. Сам вопрос о необходимости построить парламентское здание возникает в условиях разрыва между декларируемым и реальным положением

Ибрагимова Эльвира Наилевна — магистр ЕУСПб, факультет истории искусства. E-mail: eibragimova@eu.spb.ru

1 Королевство Сербия (1882–1918), Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (1918–1929), Королевство Югославия (1929–1941), Федеративная Народная Республика Югославия (1945–1963), Социалистическая Федеративная Республика Югославия (1963–1992), Союзная Республика Югославия (1992–2003), Государственный союз Сербии и Черногории (2003–2006), Республика Сербия (2006 г. — по настоящее время).

парламента в Королевстве Сербия. На специфике проектирования и строительного процесса отразились конституционные изменения, государственные перевороты, династическое соперничество, противостояние политических элит и партий, войны и т. д.

Здание парламента, задуманное еще в 1892 г., завершено в 1936-м, в нем успело поработать только два созыва парламента Королевства Югославия. Во время раздела и оккупации Югославии внутри разместилась немецкая администрация Сербии. В 1945 г. именно в этом здании прошли заседания, утвердившие созыв Учредительной скупщины, провозглашение Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) и принятие ее конституции.

Рис. 1. Здание Народной скупщины в Белграде, 1936 г.

Выстраивая новую политическую систему, властям социалистического государства приходилось решать, как обходиться с монархическим наследием. Чтобы адаптировать здание, построенное для парламента королевства, к размещению скупщины ФНРЮ, в интерьере сменили символические акценты. Кроме того, в 1956-м была снесена ограда вокруг здания, которую сочли «барьером» между представительным органом и народом.

В 1991–1992 гг. зал заседаний постепенно опустел, став наглядным доказательством распада Социалистической Федеративной Республика Югославия (СФРЮ). Политическая жизнь Сербии после краха СФРЮ определялась борьбой за сохранение остатков Югославии, и ключевой фигурой здесь стал Слободан Милошевич. Последним его годом у власти стал 2000 г. Досрочные выборы (избирательная комиссия постановила, что их результаты недействительны) спровоцировали революционные выступления, в ходе которых Милошевич был свергнут. От заявлений об электоральных нарушениях недовольные режимом перешли

к демонстрациям, взяли штурмом парламент, а затем и здание РТС (Радио и телевидения Сербии) [1]. После штурма здание Народной скупщины было подожжено, разгромлено и разграблено (рис. 2). Были уничтожены интерьеры, части помещений, разбиты статуи, украдены предметы мебели и картины [Поповић, 2002, с. 9]. Оценки этого эпизода разнятся: с одной стороны, он критикуется как акт вандализма или даже как грабительский налет, а, с другой — он снисходительно рассматривается как символический демонтаж режима. В революционной практике захват и разгром правительственных зданий играют особую роль, фиксируя недействительный статус действующего политического строя.

Рис. 2. Здание Народной скупщины 5 октября 2000 г.

Реконструкция здания парламента в Белграде после революционных событий рассматривалась как процедура восстановления значимости самого парламентского института. Вместе с тем изменился предмет интереса историков архитектура. Ранее здание Народной скупщины исследовалось в контексте творческой биографии их авторов или архитектурного развития рубежа XIX–XX веков. В начале 2000-х годов появились исследования, посвященные архитектуре здания в целом [Гордиић, Поповић, 2001], [Поповић, 2001], источникам вдохновения авторов [Кадиевић, 2002], а также фасадной скульптуре [Груйић, 2002]. Эти работы поместили здание в исторический контекст, выявили специфику архитектурных решений. Однако вопрос, как в ходе проектирования

1 Здание РТС было захвачено после того, как бульдозер протаранил его ограду (что послужило поводом окрестить эту революцию бульдозерной).

и строительства парламента закреплялось отождествление здания с политическим институтом, как воплощались политические ценности, идеологии, проекты и т. д. остался вне поля исследования.

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратиться к анализу функциональной нагрузки, которую может иметь архитектура в рамках политического процесса, а также к опыту социологического изучения парламентских зданий, выявляющему способы воплощения политических программ.

Так, например, Чарльз Гудселл, рассматривая архитектуру парламентских зданий в контексте политической культуры, выделяет три функции архитектурных решений. Первая — *сохранение* (Preservation) культурных ценностей. Она может проходить посредством апелляции к национальной истории, например, через выбор исторически значимого места, к национальному своеобразию, через манифестацию непрерывности парламентской традиции и т. д. Вторая — *артикуляция* (Articulation) принципов и идей, актуальных в текущем политическом процессе. Например, выбор модели парламентаризма, внешнеполитические ориентации, специфика институционального взаимодействия внутри парламента могут быть выявлены через анализ архитектурных решений. Их политические коннотации переосмысляются под влиянием сдвигов в политическом процессе, например, при смене власти. Также перекодирование и внесение новых смыслов может происходить в ходе реконструкции, ремонта и других изменений. Третья функция — *формирование* (Formation) отражает, каким образом физическая реальность архитектурных решений задает правила поведения в здании. В случае с парламентскими зданиями актуально рассматривать, как организован доступ в здание и помещения, организацию пространства залов заседаний, расположение помещений относительно друг друга и т. д. [Goodsell, 1988].

Примеры конкретного анализа предлагает Эндре Даньи. Обратившись к зданию венгерского парламента, он с опорой на STS и работы Джона Ло анализирует план здания и его строительство в перспективе изменений дискурсивных и материальных политических практик. Акцентируя роль архитектуры в конструировании политической реальности, Даньи приходит к выводу, что без строительства особого здания утверждение венгерской политики было невозможно [Danyi, 2013]. Такой поход позволяет понять, как здание создает статус института, выявляет процессы становления политического режима, утверждения парламентаризма, поиски национальной идентичности и т. д.

Следует отметить, что среди представителей социальных наук существует опасение, что эстетизация дискуссий вокруг архитектуры (за счет анализа морфологии здания, его стиля и т. д.) ведет к «аполитическому видению архитектуры, в котором существует разрыв между архитектурной формой и более широкими социальными вопросами» [Jones, 2011, p. 21]. Однако обращение к работам историков архитектуры при анализе здания как средства конструирования политической реальности позволяет прояснить логику архитектурного развития, информативность/неинформативность архитектурных решений, установить источники архитектурных цитат, стилевые характеристики и т. д., а также может помочь конкретизировать уровни воплощения политических идей и выявить механизм вписывания политических коннотаций.

В данной статье рассматривается, как через воплощение политических идей и ценностей в архитектуре здания Народной скупщины политический процесс обретал осязаемость. Для этой цели будут проанализированы:

- факторы, влиявшие на архитектурный заказ;
- стилистические особенности проекта и их политические коннотации;
- дебаты политических партий по вопросу подобающего для парламента стиля;
- сдвиги в стилевой рецепции под влиянием идеологической переориентации государства;
- роль парламентского здания в формировании стилистического эталона для строительства правительственных зданий.

Воплощение власти: история строительства здания Народной скупщины в свете политических изменений

В 1892 г. Министерство строительства Королевства Сербия заказало проект парламентского здания (рис. 3) архитектору Константину Йовановичу, родившемуся и работавшему в Вене [Поповић, 2002, с. 9]. Сравнение представленного проекта с историческими стандартами архитектуры конца XIX в. [Bergdoll, 2000] позволяет выявить следующие особенности:

- пространственная структура (портик с фронтоном, два боковых крыла и зал заседаний, завершенный куполом) представляет собой стандартное решение для проектов административных учреждений того времени, например Рейхстаг в Берлине (рис. 4);

- в композиции фасадов использован набор архитектурных отсылок к итальянскому ренессансу, который в конце XIX в. являлся неотъемлемой частью профессиональной компетенции архитектора[1].

Рис. 3. Проект К. Йовановича для Народной скупщины, 1892 г.

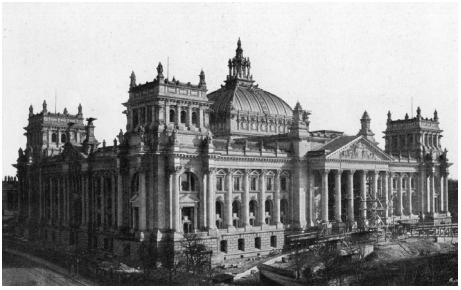

Рис. 4. Рейхстаг в Берлине, 1890-е.

Таким образом, проект соответствовал архитектурным стандартам своего времени, но следует учитывать, что элементы профессиональной традиции были восприняты Йовановичем через призму венской архитектуры. Приглашение венского архитектора для проектирования столь значимого здания может служить свидетельством наступившего после Берлинского мира проавстрийского поворота в настроениях части правящей элиты[2]. Выбор Йовановича может быть объяснен общеевропейской модой приглашать учеников Готфрида Земпера[3], а также личной популярностью архитектора в Белграде после успешного строительства здания Национального банка (1888–1890) [Kleut, 2006].

В анализе отношений заказчик/архитектор историки архитектуры редко уделяют внимание биографическим эпизодам, не связанным с профессиональной деятельностью архитектора.

---

1 Этому способствовали специфика архитектурного образования, преобладание историзма как стиля и особенная популярность неоренессансного направления в силу актуализации политических идеалов эпохи Возрождения.

2 Следует учитывать, что Балканы представляли собой арену для политической борьбы иностранных держав. В Княжестве Сербия, которое традиционно выступало протеже Российской империи, наметился поворот в сторону Австро-Венгрии после Берлинского конгресса (1878), так как Российская империя поддерживала территориальные претензии Болгарии.

3 Готфрид Земпер (1803–1879) — влиятельный теоретик архитектуры и популярный немецкий архитектор.

Однако в случае с Йовановичем следует обратить внимание на его личную близость к правящей династии Обреновичей[1]. С учетом обострения противостояния сторонников противоборствующих династий (Обреновичей/Карагеоргиевичей)[2] этот фактор мог быть значимым при выборе архитектора.

С другой стороны, в творческой истории Йовановича есть эпизод, значимый с точки зрения архитектурной практики, но упускаемый из виду сербскими историками архитектуры, — его опыт проектирования здания того же функционального типа. Но так как в данном случае речь идет о болгарском парламенте, данный фактор не рассматривается, что отражает напряженные сербско-болгарские отношения[3].

Тем не менее, препятствием для реализации проекта стало не болгарское происхождение Йовановича, а недостаток средств, а также изменение политической обстановки в стране. После того как в 1882 г. Сербии из Княжества стала Королевством, парламент разместился во временном здании (рис. 5), которое явно не соответствовало высокому статусу органа власти. Однако вопрос строительства специального здания приобрел актуальность только после принятия Конституции 1888 г., согласно которой роль парламента существенно возросла[4] [Jovanovic, 1997]. Вскоре король Милан отрекся от престола в пользу несовершеннолетнего

1 Его отец фотограф Анастас Йованович был протеже князя Милоша Обреновича, тесно общался с ним и его сыном Михаилом в дни их изгнания в Вену, а после возвращения Милоша Обреновича на престол был управляющим его двора.

2 Истоки противостояния в соперничестве основателей династий (Карагеоргия и Милоша Обреновича) в ходе Первого и Второго сербского восстания. В результате Карагеоргий был убит, а Милош Обренович стал князем. Борьба за трон привела к свержению Обреновичей в 1842 г., но в 1858-м скупщина призвала их обратно на трон. Правили Обреновичи до 1903 г. в постоянной угрозе, исходящей от сторонников Карагеоргиевичей.

3 Основной источник напряженности в сербско-болгарских отношениях — вопросы о принадлежности территорий исторической области Македония и этнической идентификации «македонцев», отразившиеся в пропагандистских кампаниях, вооруженных конфликтах (сербско-болгарская война 1885 г., борьба за Македонию 1904–1908 гг., Вторая балканская война 1913 г., македонский вопрос в Первой мировой войне и оккупация Македонии Болгарией в ходе Второй мировой войны) и длительных историографических дебатах.

4 В отличие от Конституции 1869 г., которая предусматривала подчиненное положение парламента, разделение законодательных функций между парламентом и монархом, Конституция 1888-го установила разделение властей в соответствии с моделью западной либеральной конституционной (дуалистической) монархии.

сына Александра Обреновича при регентстве Йована Ристича, Косты Протича и Йована Белимарковича. В 1893 г. Александр Обренович сверг регентов, отменил Конституцию 1888 г. в пользу более авторитарной Конституции 1869-го. Также в страну вернулся Милан Обренович, что стало катализатором назревавшего кризиса и привело к неоднократной смене правительства. Стране стало не до строительства парламента.

Рис. 5. Временное здание парламента, 1888–1918 гг.

В 1901 г. король Александр Обренович даровал новую Конституцию, которая среди прочего предусматривала введение двухпалатного парламента. Вопрос о строительстве вновь приобрел актуальность и был вынесен на обсуждение в парламенте (большинство депутатов проголосовало «за»). Проект Йовановича не мог быть реализован, так как не подходил для размещения двухпалатного органа. Был объявлен новый конкурс, однако, согласно его условиям, проект Йовановича должен был служить основой для заявленных работ. Рассмотрев семь проектов, жюри присудило первый приз Йовану Илкичу с условием, что ряд деталей будет доработан [Поповић, 2002, с. 11].

Йован Илкич — уроженец Земуна[1], учился в Вене у Теофила Хансена[2]. В 1883 г. он был приглашен королем Миланом для завершения строительства королевской резиденции, поступил на службу в Министерство строительства, где проработал до 1910 г.

1 Земун — пограничный австро-венгерский город на противоположном от Белграда берегу р. Савы.

2 Теофил фон Хансен (1813–1891) — австрийский архитектор датского происхождения, видный представитель неоклассицизма.

За свою карьеру в Сербии архитектор реализовал порядка 90 проектов [Петровић, 2006, с. 311].

Следует отметить, что Илкич после окончания учебы работал под руководством Хансена над зданием парламента в Вене [Јовановић, 1985, с. 243]. На первый взгляд, у белградского проекта Илкича и венского проекта Хансена мало общего, но их планировка крайне схожа (рис. 6, 7). Илкич не просто использовал стандартную для двухпалатных парламентов модель организации пространства (два зала заседаний, соединенные центральным залом), но опирался на решение Хансена, в том числе на его версию размещения кабинетов, подсобных помещений и т. д.

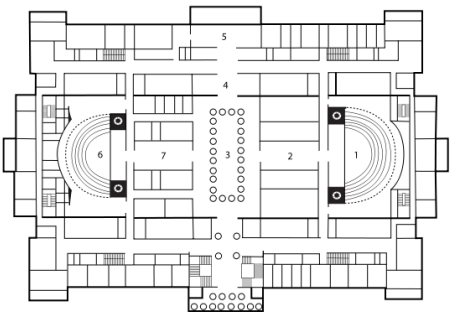

Рис. 6. План здания парламента в Вене.

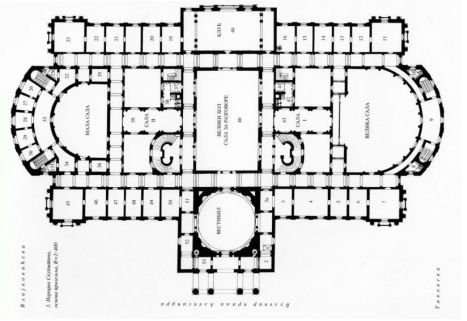

Рис. 7. План здания парламента в Белграде.

Для анализа композиции фасадов обратимся к практике строительства парламентских зданий рубежа XIX–XX вв. Три знаковых здания воплощают три стилистические парадигмы:

- здание парламента в Вене (1874–1883) — неогрек;
- здание Рейхстага в Берлине (1884–1894) — неоренессанс;
- здание парламента в Будапеште (1885–1904) — неготика.

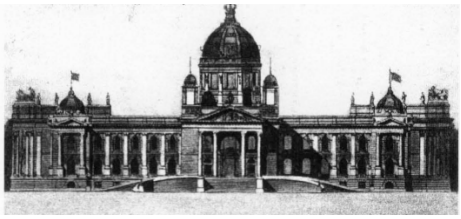
В случае с венским парламентом (рис. 8) на стилистическом уровне присутствует отсылка к идеалам древнегреческой демократии, утвержденная императорской комиссией [Goodsell, 1988, p. 291]. Неготическое решение венгерского парламента (рис. 9) акцентирует поиск национальной идентичности в образах средневекового Венгерского королевства [Dube, 2002, p. 24]. В условиях подъема национального движения и начавшейся мадьяризации требовалось уникальное, максимально не похожее на австрийское здание, воплощающее величие Венгрии. Стилистическая парадигма берлинского Рейхстага видится лишенной политических коннотаций в силу того, что обращение к наследию ренессанса — особенно при строительстве административных зданий — было крайне распространено.

Рис. 8. Парламент в Вене, 1890-е. **Рис. 9. Венгерский парламент, 1900-е.**

Проект Йована Илкича (рис. 10) для сербского парламента тяготеет к неоренессансной архитектурной парадигме. Сербский историк А. Кадиевич описывает стиль проекта как кодифицированный эклектицизм (в сербской историографии получивший название академизм), содержащий три уровня отсылок: к наследию ренессанса, неоклассицизма и барокко, при этом опирающийся на венскую академическую архитектуру [Кадијевић, 2002, с. 50].

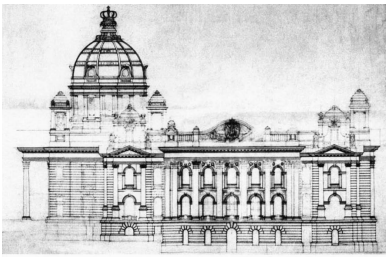

Рис. 10. Сербский парламент. Проект Й. Илкича.

Если у Йовановича венская архитектура выступает лейтмотивом для оформления ренессансных мотивов, то у Илкича очевидны отсылки непосредственно к венским прототипам, среди которых исследователи выделяют Музей истории искусств, Бургтеатр, Карлскирхе [Кадијевић, 2002, с. 50]. В проекте Илкича венская ориентация проекта становится очевидной как на уровне плана и моделей организации пространства, так и на уровне отдельных форм и архитектурных элементов. При этом если обратить внимание на проекты Илкича для других публичных зданий Белграда, станет очевидно, что стилистический репертуар архитектора достаточно широк (от неоклассицизма до национального романтизма), и столь явное цитирование венских зданий наблюдается именно в проекте парламента. Таким образом, стилистическое решение проекта приобретает политическую значимость, отражая установку Обреновичей на проавстрийскую политику.

Проект Илкича подвергался критике. Во-первых, его обвиняли в плагиате, что проект слишком схож с проектом Йовановича (хотя

соответствующее требование было предусмотрено конкурсными требованиями). При этом сам Йованович обвинял Илкича в том, что тот разрушил его проект. [Нестровић, 1972, с. 261].

Во-вторых, звучали жесткие упреки в стилистическом эпигонстве. Профессиональное сообщество выражало недовольство, что в победившем проекте используются стандартные решения, ренессансные клише, причем критика подкреплялась наметившимся кризисом историзма и необходимостью искать новые пути развития архитектуры. Общественное мнение не устраивала ориентация на образцы монументальных зданий Берлина и Вены[1]. Критика использования венских прототипов стала особенно актуальной, когда после майского переворота 1903 г. на престоле оказался представитель династии Карагеоргиевичей — Петр, чьи внешнеполитические ориентации отличались от линии Александра Обреновича. Вспыхнувшая полемика о том, какой стиль подобает для парламентского здания, растянулась на несколько лет. В контексте политических дебатов о государственном устройстве Королевства Сербии она способствовала артикуляции политических коннотаций архитектурных решений. Выбор стиля смыкался с вопросами о моделях парламентаризма, о положении парламента, о внешнеполитических ориентациях и т. д.

Требование провести новый конкурс и построить здание в национальном стиле исходило преимущественно от сторонников Народной радикальной партии. Радикалы рассматривали сербский парламент как естественное развитие сербских традиционных институтов — общины и задруги, и по их замыслу парламент должен быть стать главным органом в народном государстве [Protić, 2007, с. 181]. Ориентацию на современные европейские образцы при проектировании поддерживали сторонники Либеральной и Прогрессивной партий, чьи политические проекты опирались на модернизацию, либерализацию и выстраивание парламентской системы по европейским образцам [Перишић, 2004].

Влияние политической борьбы на архитектуру значимо тем, что ее результаты могут как непосредственно корректировать архитектурный процесс, так и задавать парадигмы его осмысления. Специфика изначального заказа отразилась на выборе стилевых прототипов для здания, а изменение расстановки сил привело к требованию провести новый конкурс и строить по новому проекту.

---

1 Несмотря на проавстрийский поворот после Берлинского конгресса, часть элиты сохраняла пророссийскую ориентацию. По мере роста недовольства правящей династией, обострением ситуации в Боснии и Герцеговине, оккупированной Австрией, антиавстрийские настроения проявлялись все настойчивее [Markov, 2003].

Несмотря на позицию радикалов и очередное изменение структуры парламента (в 1903 г. он вновь стал однопалатным), в 1907 г. состоялась закладка здания. Строительство по проекту Илкича началось; зал верхней палаты парламента предполагалось использовать для размещения Министерства иностранных дел [Поповић, 2002, с. 13]. Работы, откладывавшиеся из-за нехватки средств, балканских войн, были прерваны из-за Первой мировой на стадии возведения стен.

Строительство возобновилось в 1920-м в условиях формирования нового государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) и было сопряжено с трудностями, вызванными утерями проектной документации. Йован Илкич погиб в плену, и восстановление проектов было поручено его сыну и помощнику Павлу Илкичу [Поповић, 2002, с. 15]. В 1926 г. работы вновь приостановили — не хватало денег, усугубился политический кризис. К этому моменту была возведена кровля и закончены фасадные работы, началась разработка интерьеров. Однако 6 января 1929 г. король Александр Карагеоргиевич распустил парламент и установил диктатуру. Ее отменили в 1931-м в результате принятия так называемой Сентябрьской конституции, предусматривающей созыв двухпалатного парламента. Однако строительство возобновилось лишь после убийства короля Александр Карагеоргиевич в 1934 г. в Марсле. Контроль над работами полностью перешел к Министерству строительства. Разработку проекта интерьеров доверили Н. П. Краснову[1]. На его назначение повлияли репутация, опыт работы для российской императорской семьи, положение в архитектурном отделе Министерства строительства, а также проектирование театра «Манеж» (рис. 11), в здании которого парламент размещался после отмены диктатуры [Сретеновић, 2004, с. 82].

Рис. 11. Здание театра «Манеж», 1930-е.

1 К. Н. Петрович (1864–1939) — русский академик архитектуры, архитектор Высочайшего двора, эмигрировал после Октябрьской революции, с 1922 г. жил и работал в Белграде.

Для создания скульптурного убранства провели конкурсы. Главным требованием стало соблюдение стилевого единства и следование ренессансным моделям, при этом заказы примерно поровну распределились между сербскими, хорватскими и словенскими скульпторами [Гордић, 1999, с. 101]. Особое внимание следует уделить скульптурам, созданным для украшения вестибюля. В проекте Илкича купольный зал приходится именно на вестибюль, что фиксирует его особое значение в иерархии помещений. В истории зданий данного функционального типа купольный зал — это либо зал заседаний (здание Рейхстага), либо центральный зал, соединяющий залы заседаний и служащий репрезентации национальной истории (парламент Венгрии или Конгресс США). Для украшения вестибюля здания Народной скупщины были созданы четыре мраморные статуи: три изображают ключевые фигуры древней истории трех народов (сербского царя Душана, хорватского короля Томислава и словенского князя Коцела), а четвертая — Карагеоргия (рис. 12), основателя правящей на тот момент династии и руководителя Первого сербского восстания. Экспонирование этих фигур в одном зале было призвано зафиксировать единство трех народов.

Рис. 12. Скульптуры царя Душана, короля Томислава, князя Коцела и Карагеоргия.

Политическая жизнь Королевства СХС была крайне осложнена трудностями формирования территориального устройства, столкновениями импульсов централизации и децентрализации, неустойчивостью парламентских коалиций и постоянными конфликтами национальных партий. В этих условиях манифестация единства народов приобретала особую значимость, что отразилось и на рецепции стилевой парадигмы здания.

Трансформация декоративного решения Илкича из-за недостатка финансирования, а также изменения, внесенные в декор фасада Н. П. Красновым, привели к тому, что декор стал более строг и сдержан, а неоклассические элементы вышли на первый план.

В результате здание стало рассматриваться в духе академического стиля, которая воплощает тенденцию югославизации [Ignatović, 2007]. Данный стиль служит отражением югославского унитаризма, универсальность классических форм рассматривается как форма синкретизма, позволяющая примирить противоречивые национальные интересы.

Значение обращения к классической традиции возрастает в условиях, когда новообразовавшиеся государства нуждаются в стабилизации институтов и формируют запрос на мощь, монументальность и представительность. Таким образом, здание Народной скупщины, превратившееся в эталон академического стиля, стало точкой отсчета при проектировании правительственных и административных зданий. Помимо этого оно оказало непосредственное влияние на архитектурное окружение. Место для строительства парламента было выбрано на окраине с нерегулярной застройкой (критериями выбора стали символическая значимость[1], близость к королевской резиденции, намерение создать новый административный центр). В начале 1930-х в непосредственной близости от здания скупщины возводились здания Аграрного банка и Главной почты. В случае с Аграрным банком инвесторы поддержали модернистский проект братьев Кристич, занявший третье место на конкурсе. Но строительное управление банка настояло на изменении фасада путем внесения неоклассицистических элементов, чтобы оно гармонировало со зданием Народной скупщины. Конкурс на здание Главной почты выиграл модернистский проект Йосипа Пичмана, что вызвало недовольство короля Александра Карагеоргиевича, так как предлагаемый вариант был недостаточно монументален, чтобы размещаться рядом со зданием скупщины. В итоге проект был переработан в неоклассическом стиле (рис. 13) [Михајло, Мишић, 2008, с. 261].

Рис. 13. Здание Народной скупщины и здание Главной почты, 1950-е.

1 Недалеко от этого места в 1830 г. был зачитан султанский хатишериф (указ) о признании автономии Княжества Сербия.

Заключение

В начале статьи мы поставили вопрос о том, какую роль играет строительство парламентского здания в конструировании политической реальности. Обратившись к теории функций архитектуры в политической культуре Чарльза Гудсела мы рассмотрели на примере здания Народной скупщины в Белграде, каким образом архитектура парламентского здания артикулирует принципы и идеи, актуальные в политическом процессе. Для этой цели применен стилистический анализ — поиск моделей и источников архитектурных решений. Также предпринята попытка выявить политические коннотации этих решений посредством анализа исторических событий, политических дебатов и сдвигов в стилистической рецепции.

Таким образом, исходя из стилистических особенностей проектов здания, мы выявили провенскую ориентацию, которая имела не только внешнеполитический смысл, но и демонстрировала приверженность части сербских элит европейским образцам в выстраивании политических институтов. Борьба политических версий парламентаризма, породившая дебаты о подобающем стиле для здания, а также смена политических ориентиров в ходе переворота 1903 г. не привели к созданию нового проекта, а обусловили переосмысление уже имеющегося. Сдвиг в рецепции происходил по мере того, как достраивалось здание для парламента Королевства СХС. На первый план вышли неоклассические элементы, на основе которых развернулась парадигма академического стиля. Решающую роль в ее утверждении сыграла идея югославянства для нового государства и необходимость ее воплощения, а академизм посредством универсальности форм позволил выразить идею единения национальностей. В дальнейшем здание Народной скупщины, маркированное как образец академизма, стало эталоном для правительственных архитектурных проектов.

В фокусе внимания статьи — процессы проектирования и строительства. Однако в дальнейшем представляется перспективным также анализ функционирования парламентского здания, который позволил бы выявить, каким образом физическая реальность архитектурных решений влияет на политический процесс.

Библиография

Волков В. К. (отв. ред.) (2005) *Двести лет новой сербской государственности: К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг.*, СПб.: Алетейя.

Силкин А. А. (2008) *Королевство сербов, хорватов и словенцев: на пути к диктатуре,* СПб.: Алетейя.

Бакић Ј. (2000) Идеологија југословенства: реално југословенство 1904–1918. *Нова српска политичка мисао*, 7 (1–2): 285–315.

Гордић Г. (1999) Палата Народне банке. *Наслеђе*, (2): 85–94.

Гордић Г., Поповић М. (2001) Дом Народне скупштине. *Наслеђе*, (3): С. 58–88.

Гордић М. (1999) Украшавање зграде Народног парламента Краљевине Југославије од 1936. до 1939 године. *Наслеђе*, (2): 95–104.

Грујић В. (2002) Нереализована фасадна скулптура на Дому Народне Скупштине. *Наслеђе*, (4): 35–43.

Здравковић И. (1983) Јован Илкић, пројектант Народне скупштине и палате «Москва». *Гласник ДКС*, (7): 88–89.

Игњатовић А. (2008) *Између жезла* и *кључа*: *Национални идентитет* и *архитектонско наслеђе Београда* и *Србије* у 19 и *првој половини* 20 века. *Наслеђе*, (9): 51–73.

Јовановић В. (1997) *Устав* «од *корица* до *корица*», неки *мање познати детаљи* око *Устава* из *1888 године. Зборник Матице српске за историју*, (56): 193–200.

Јовановић М. (1985) Теофил Ханзен и ханзенатика и Ханзенови српски ученици. *Зборник Матице Српске за ликовне уметности*, (21): 235–260.

Кадијевић А. (2005) *Естетика архитектуре академизма (XIX–XX век),* Београд: Грађевинска књига.

Кадијевић А. (2002) У трагању за узорима Дома Народне скупштине. *Наслеђе*, (4): 45–54.

Клеут И. (2006) Градитељски опус Константина Јовановића у Београду. *Годишњак града Београда,* (LIII): 213–249.

Ковић М. (2011) *«Цивилизаторска мисија» Аустроугарске* на *Балкану*: *Поглед* из *Београда*. (*1901–1914*). *Истраживања*, (22): 365–379.

Михајлов С., Мишић Б. (2008) Палата Главне поште у Београду. *Наслеђе*, (9): 239–264.

Нестровић Б. (1972) Јован Илкић, београдски архитекта. *Годишњак града Београда,* (XIX): 253–270.

Никић Л. (1976) Из архитектонске делатности Константина Јовановића у Београду. *Годишњак града Београда*, (XXIII): 127–130.

Павловић Ђ. (2013) Устав Краљевине Србије из 1901 године. *Зборник Матице српске за друштвене науке*, (144): 509–522.

Перишић М. (2004) *Либерали и либерализам у Србији 19 века*, Београд: Центар за либерална истраживања.

Петрановић Б. (1993) *Југославенско искуство српске националне интеграције,* Београд: Службени лист СРЈ.

Петровић Ј. (2006) Јавни објекти Јована Илкића, архитекте краљевине Србије. *Лесковачки зборник*, (46): 311–336.

Поповић М. (2002) Зграда Народне скупштине — правци истраживања и принципи обнове. *Наслеђе,* (4): 9–34.

Поповић-Обрядовић О. (1998) *Парламентаризам у Србији 1903–1914,* Београд: Службени лист СРЈ.

Сретеновић И. (2004) Зграда Југословенског драмског позоришта — од Манежа до савременог театра. *Наслеђе*, (5): 71–88.

Тошева С. (1999) Организација и рад Архитектонског одељења Министарства грађевина у периоду између два светска рата. *Наслеђе*, (2): 171–181.

Bergdoll B. (2000) *European Architecture, 1750–1890*, Oxford; N. Y.: Oxford University Press.

*Čulinović F. (*1961) *Jugoslavija između dva rata*, Zagreb: JAZU..

Damljanović T. (2002) A Semper Student in Belgrade. *Centropa,* 2 (2): 145–145.

Danyi E. (2013) *The Parliament as a High Political Programme*. http://www.wernerreichmann.net/arch. sts. 2013/abstracts. html

Dube R. (2002) *The Civic Gothic Legacy: Parliament Buildings of Ottawa*. Thesis. M. S. in Historic Preservation. London; Budapest: University of Pennsylvania.

Goodsell C. T. (1988) The Architecture of Parliaments: Legislative Houses and Political Culture. *British Journal of Political Science,* 18 (3): 287–302.

Ignjatović A. (2007) *Jugoslovenstvo u arhitekturi 1904–1941*. Beograd: Građevinska knjiga.

Jones P. (2011) *The Sociology of Architecture: Constructing Identities*, Liverpool: Liverpool University Press.

Markov V. M. (2003) Srbija između Austrije i Rusije 1897–1908. *Nastava i istorija*, 1 (1): 26–60.

Protić M. St. (2007) Serbian Radicalism 1881–1903: Political Thought and Practice. *Balcanica*, (38): 173–189.

References

Bakić J. (2000) *Ideologija jugoslovenstva*: *realno jugoslovenstvo 1904–1918*. [The ideology of Yugoslavism: real Yugoslavism, 1904–1918]. *Nova srpska politička misao* [New Serbian political thought], 7 (1–2): 285–315.

Bergdoll B. (2000) *European Architecture, 1750–1890*, Oxford; N. Y.: Oxford University Press.

*Čulinović F. (*1961) *Jugoslavija između dva rata* [Yugoslavia between two wars]. Zagreb: JAZU.

Damljanović T. (2002) A Semper Student in Belgrade. *Centropa,* 2 (2): 145–145.

Danyi E. (2013) *The Parliament as a High Political Programme*. http://www.wernerreichmann.net/arch. sts. 2013/abstracts. html

Dube R. (2002) *The Civic Gothic Legacy: Parliament Buildings of Ottawa*. Thesis. M. S. in Historic Preservation. London; Budapest: University of Pennsylvania.

Goodsell C. T. (1988) The Architecture of Parliaments: Legislative Houses and Political Culture. *British Journal of Political Science,* 18 (3): 287–302.

Gordić G. (1999) Palata Narodne banke [The Palace of the National Bank]. *Nasledje [Heritage],* (2): 85–94.

Gordić G., Popović M. (2001) Dom Narodne skupštine [The House of the National Assembly]. Nasledje [Heritage], (3): C. 58–88.

Gordić M. (1999) Ukrašavanje zgrade Narodnog parlamenta Kraljevine Jugoslavije od 1936. do 1939. godine [The decorating of the *National Assembly building in the Kingdom Yugoslavia from 1936 to 1939]. Nasledje [Heritage],* (2): 95–104.

Grujić, V. (2002) *Nerealizovana fasadna skulptura* na *Domu narodne skupštine* [The unrealized facade sculpture at the building of the *National Assembly]. Nasledje [Heritage],* (4): 35–43.

Ignjatović, A. *(*2008) Između žezla i ključa — nacionalni identitet i arhitektonsko nasleđe Beograda i Srbije u XIX i prvoj polovini XX veka [Between the sceptre and the key: national identity and architectural heritage of Belgrade and Serbia in the XIX and early XX century]. *Nasledje [Heritage],* (9): 51–73.

Ignjatović A. (2007) *Jugoslovenstvo u arhitekturi 1904–1941* [Yugoslavism in architecture, 1904–1941] Beograd: Građevinska knjiga.

Jones P. (2011) *The Sociology of Architecture: Constructing Identities*, Liverpool: Liverpool University Press.

Jovanović V. (1997) *Ustav* od 'korica do korica' — neki *manje poznati detalji* oko *Ustava* iz *1888.* godine [The Constitution from «cover to cover» — some lesser-known details of the 1888 Constitution]. *Zbornik Matice srpske za istoriju* [Collection of Matica Srpska for history], (56): 193–200.

Jovanović M. (1985) Teofil Hanzen, «*hanzenatika*» *i hanzenovi srpski* učenici [Theophil Hansen, 'hansenation' and Hansen's Serbian learners]. *Зборник Матице Српске за ликовне уметности* [Collection of Matica Srpska for Fine Arts], (21): 235–260.

Kadijević A. (2005) *Estetika arhitekture akademizma: XIX–XX vek.* [Aesthetics of academism architecture (XIX–XX century)]. Beograd: Građevinska knjiga.

Kadijević A. (2002) U traganju za uzorima Doma Narodne skupštine [In quest of the models for the National Assembly building]. *Nasledje [Heritage],* (4): 45–54.

Kleut I. (2006) *Graditeljski opus* Konstantina Jovanovića *u Beogradu. [Architectural opus of* Konstantin Jovanović in Belgrade]. *Godišnjak grada Beograda [Annual of Belgrade city],* (LIII): 213–249.

Ković M. (2011) «*Civilizatorske misije*» *Austrougarske* na Balkanu: Pogled iz Beograda. [«Civilizing mission «of Austria-Hungary in the Balkans: The view from Belgrade]. *Istrazivanja* [Research], (22): 365–379.

Markov V. M. (2003) Srbija između Austrije i Rusije 1897–1908 [Serbia between Austria and Russia, 1897–1908]. *Nastava i istorija* [Teaching and History], 1 (1): 26–60.

Mihajlov S., Mišić B. (2008) Palata Glavne pošte u Beogradu [The palace of the Main Post Office in Belgrade]. *Nasledje [Heritage],* (9): 239–264.

Nestrović B. (1972) Jovan Ilkić, beogradski arhitekta [Jovan Ilkić, Belgrade architect]. *Godišnjak grada Beograda [Annual of Belgrade city],* (XIX): 253–270.

Nikić L, (1976) Iz *arhitektonske delatnosti Konstantina Jovanovića* u *Beogradu [From the architectural activities of Konstantin Jovanović in Belgrade]. Godišnjak grada Beograda [Annual of Belgrade city],* (XXIII): 127–130.

Pavlović Đ. (2013) Ustav Kraljevina Srbije od 1901. godine [The Constituion of the Kingdom of Serbia from 1901]. *Zbornik Matice srpske za društvene nauke* [Collection of Matica Srpska for social science], (144): 509–522.

Perišić M. (2004) *Liberali i liberalizam u Srbiji 19. veka* [Liberals and liberalism in Serbia in the 19th century]. Beograd: Centar za liberalna istraživanja.

Petranović, B. (1993) *Jugoslovensko iskustvo srpske nacionalne integracije* [The Yugoslavian art of Serbian national integration]. Beograd: Službeni list SRJ.

Petrović J. (2006) Javni objekti Jovana Ilkića, arhitekte kraljevine Srbije [The public buildings of Jovan Ilkić, architect of the Kingdom of Serbia]. *Leskovački zbornik* [Collection of Leskovac], (46): 311–336.

Popović M. (2002) *Zgrada Narodne skupštine — pravci istraživanja* i *principi obnove [The National Assembly building — research directions and principles of reconstruction]. Nasledje [Heritage],* (4): 9–34.

Popović-Obradović O. (1998) *Парламентаризам у Србији 1903–1914* [Parliamentarism in Serbia, 1903–1914]. Beograd: Službeni list SRJ.

Protić M. St. (2007) Serbian Radicalism 1881–1903: Political Thought and Practice. *Balcanica*, (38): 173–189.

Silkin A. A. (2008) *Korolevstvo serbov, khorvatov i sloventsev: na puti k diktature.* [The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes: towards dictatorship], SPb.: Aleteyya.

Sretenović I. (2004) Zgrada Jugoslovenskog dramsko pozorište — od Maneža do savramenog teatra [The building of the Yugoslav Drama Theatre — from Manege to contemporary theatre]. Nasledje [Heritage], (5): 71–88.

Toševa, S. (1999) Organizacija i rad arhitektonskog odeljenja Ministarstva građevina u periodu između dva svetska rata [The organization and working of Architecture Department of the Ministry of Construction in the interwar period]. *Nasledje [Heritage],* (2): 171–181.

Volkov V. K. (eds.) (2005) *Dvesti let novoy serbskoy gosudarstvennosti: K yubileyu nachala Pervogo serbskogo vosstaniya 1804–1813 gg.* [Two hundred years of new Serbian statehood: On the anniversary of the beginning of the First Serbian Uprising, 1804–1813], SPb.: Aleteyya.

Zdravković, I. (1983) *Jovan Ilkić, projektant Narodne skupštine* i *palate „Moskva"* [*Jovan Ilkić, architect of the National Assembly building and the palace «Moscow»]. Glasnik DKS [The herald of SCS],* (7): 88–89.